«Северный рабочий»
г. Ярославль

8 января 1966 года

Театр и город

Заметки журналиста

В НЕЛОВКОМ молчании вышли мы с ним из театра. На душе было как-то неопределенно и вовсе уж не празднично. Вопреки ожиданиям.

Видимо, мой давнишний приятель, инженер по профессии и увлеченный театрал переживал то же самое, что и я. Удручающую холодноватость зрительного зала с пустующими креслами, едва набравшего в этот вечер человек сто. Жидкие, разрозненные — скорее ради приличия — аплодисменты. Не совсем уверенный, незаразительный смех, не такой, какой случается совершенно естественно, когда тебя угощают доброй умной шуткой и тебе действительно-таки смешно...

На сцене Рыбинского драматического театра только что была сыграна комедия «Зонтики надо беречь»...

Несмотря на поздний час, проспект Ленина, припорошенный снегом и искрящийся легким морозцем, выглядел оживленным. Наше затянувшееся молчание нарушил Юрий Иванович. «Зрителей надо беречь!» — произнес он многозначительно и не без доли иронии. Дальнейших об'яснений не требовалось: было ясно, о чем это он. Ничего не оставалось делать, как согласиться с ним, находя его замечание по поводу увиденного спектакля, как это ни горько сознавать, довольно справедливым.

ЕСТЬ какая-то похожесть в наших городских вечерах. И не просто чисто внешняя, когда вдруг, словно сговорившись, один за другим ярко вспыхивают в ранних сумерках окна домов и улицы наполняются людьми. Позади дневные заботы. Оставив до завтра свой завод или учреждение, школу или институтскую аудиторию, все мы каким-то образом, исходя из собственных увлечений, решаем проблему досуга. Одни в это время с удовольствием раскрывают книгу, взятую с библиотечной полки. Другие встают за мольберт, чтобы заставить немой серый холст заговорить живыми красками. Третьи с неменьшим наслаждением слушают симфонии Чайковского, потому что без музыки им нельзя. Это время, когда клубы с их лекториями и университетами культуры, концертными программами и новыми кинофильмами ожидают своих посетителей. И театр ждет тоже. Ждет зрителей, чтобы своим образным языком повести с ними доверительный разговор, сделать их соучастниками своих устремлений. Как всегда, ровно в семь, здесь поднимается занавес...

Невозможно переоценить значение театра в духовной жизни города, приобщении людей к прекрасному, их идейно-художественном воспитании. По своей природе, характеру и возможностям он занимает особое по сравнению с другими учреждениями культуры положение. И как же велик должен быть его удельный вес в об'еме работы, предназначаемой для удовлетворения интеллектуальных и эстетических потребностей!

„А ВОТ они любят ли театр?» — думал я, глядя на группу молодых людей, идущих по проспекту мимо нас. «Ощущали ли они волнение от общения с искусством. Возникает ли в них желание встреч с ним?». Сознаю: в самой постановке этих вопросов существует крайность. Основной массе нашей молодежи свойственны разносторонность интересов, тяготение к духовным ценностям. Но ведь и от фактов не уйдешь. Полупустой зрительный зал — в условиях многотысячного Рыбинска, крупного промышленного и культурного центра. А письмо, присланное к нам в редакцию? Работница одного из заводов Н. Журавлева писала, имея в виду своих подруг по общежитию: «Некоторые девушки меньше всего интересуются искусством. В театр их не затащишь»...

Возможно, это применимо к ним? Мы с Юрием Ивановичем приблизились к группе парней и девчат, столпившихся возле одного из под'ездов. По всему было видно: они явно навеселе, «приобщились» к спиртному. Вели они себя развязно, особенно-то не стесняясь в выражениях. Одна из девиц, вульгарно дергаясь из стороны в сторону, изображала подобие танца.

— Ты думаешь, театр хоть как-то вошел в их существование? — без видимой на первый взгляд связи спросил меня Юрий Иванович.

— Не знаю. Но хочу, чтобы они хоть однажды попали туда. И будет хорошо, если спектакль, который они увидят, заставит их задуматься, заронит хоть малейшее сомнение относительно их поведения, подскажет — есть иная, содержательная жизнь.

— Уж не хочешь ли отнести к таким спектаклям «Зонтики»? — в словах друга я почувствовал усмешку. — Там тоже изрядно этого. Как тебе сказать? Герои то и дело прикладываются к бутылке и, кривляясь, выделывают буги-буги. И джаз-модерн — пожалуйста. А из'ясняются-то каково? — И Юрий Иванович почти продекламировал нараспев: «Злкидрил чувиху, кир будет», «Хиляй, чувак!», «Потрясательно»...

Комедия «Зонтики надо беречь», поставленная по пьесе Минчовского, оставляет грустное впечатление. Есть в ней и «сверхзадача» — осудить мещанство, слепую погоню за сомнительной ценности модой, есть режиссерские и актерские находки. Но сама пьеса настолько слаба, что все это скорее оборачивается своей противоположностью. Замысел решен чрезвычайно схематично и тонет в массе банальных бытовых подробностей. Из истории семьи молодого художника Ковригина, взаимоотношений его с женой зритель мало что вынесет поучительного. Ему не над чем углубленно мыслить, не с кем сопереживать. Чувства, фантазия его дремлют — и лишь иногда в зале раздается сдержанный смешок в ответ на невзыскательные реплики, вроде Эльвириной, когда она, «перепутав» название рыбы, наивно и нарочито громко называет «палтуса» «оболтусом!»...

Да, зрителя надо беречь. Беречь от такой «продукции». Больше того, его надо уважать. Откровенно говоря, вполне можно понять тех, кто, заботясь о своем досуге, в тот вечер сделал выбор не в пользу театра, а предпочел ему, скажем, фильм или просто прогулку на свежем воздухе.

ПРОБЛЕМА зрителя, «наполняемости» зала на спектаклях для Рыбинского театра приобрела сейчас особую остроту.

— Еще никогда так не бывало! — сетует его директор Зиновий Ильич Ландо.

Пустуют многие кресла не только на «Зонтиках», а и на других постановках. Это своеобразное «отчуждение» — не результат падения интереса рыбинцев к искусству, не следствие увеличения количества телевизоров в их квартирах, как склонны полагать некоторые. Здесь можно бы сослаться на мнение десятков, сотен людей, которые не мыслят себя без театра, все равно как без хорошей книги. Бывать в нем для них — потребность. Причину следует искать в другом. И прежде всего, как мне кажется, — в ориентации на репертуар облегченного плана. Когда мы беседовали с главным режиссером театра Григорием Владимировичем Корном, я уловил в его высказываниях любопытную деталь, в какой-то мере доказывающую это. Утверждая правомерность постановки «Двух вечеров в мае» — пьесы, посвященной молодежи, но драматургически несовершенной, композиционно рыхлой, он заметил: мол, через эту пьесу можно прийти к Брехту.

Уж не эта ли боязнь «психологического барьера» между сценой и залом, недооценки подготовленности зрителя к восприятию серьезной драматургии заставляет коллектив вести свой поиск не на магистральном пути, а где-то приблизительно, снижать свои художественные критерии в выборе пьес? Но сразу надо сказать: какая большая, тут совершается ошибка! Искусство театра многогранно. Но при всех условиях главным его содержанием должна быть большая художественная правда, публицистическая страстность, высокая идейность. Зритель ждет от спектаклей своего рода откровений, масштабности в постановке вопросов, эмоциональной выразительности. И столь же естественно — ему претят мелкотемье, имитация под настоящую правду, ходульность образов и ситуаций, сдобренных к тому же зачастую, что, кстати, присуще спектаклю «Зонтики надо беречь», изрядной порцией мелодраматизма. Этим не завоюешь симпатий зрителей, не подогреешь их интереса. Наоборот, он в данных обстоятельствах неизбежно и катастрофически ослабевает.

ПРАКТИКА самого Рыбинского театра со всей очевидностью подтверждает это. Обратимся к такому показателю, как посещаемость спектаклей. «Средне-арифметическая статистика» здесь высказывается явно в пользу наиболее значительных работ нынешнего сезона — «104 страницы про любовь» и «Дорогами жизни». Первый спектакль апеллирует к нравственно-этическим проблемам и по-своему интересно решает их, второй — рассказывает о событиях, охватывающих судьбы героев от начала первой пятилетки до наших дней. Гораздо хуже с «Зонтиками». Каждый раз в ноябре они собирали примерно по триста человек, а уже в декабре это число уменьшилось вдвое. Подобную незавидную участь разделяет «Женатый жених». А на «Два вечера в мае» в один из недавних дней было продано всего... сорок билетов, и спектакль — чрезвычайное происшествие! — пришлось отменить. Парадоксальное, казалось бы на первый взгляд, положение. Вместо желаемого «спасательного круга» на поверку оказывается обременительный груз, который способен лишь тянуть вниз. На самом же деле здесь все на своем месте, все соответствует логике. Пьесы, «развлекательные», легковесные, рассчитанные на «кассовый успех», не могут иметь подлинного успеха.

Не могу в связи с этим не вспомнить театральные афиши прошлых сезонов. «Барабанщица» Салынского, «В день свадьбы» Розова, «Люди, которых я видел» С. Смирнова, «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского, «Поднятая целина» — инсценировка по роману Шолохова, «Гроза» Островского... Эти и некоторые другие спектакли находили живой отклик у рыбинцев, показывали творческие возможности театра, его стремление корректировать свой репертуар по времени.

Непреложный закон жизни — постоянное обновление, совершенствование, переход от легких задач к более сложным. Целиком и полностью применимо это и к искусству. Топтание на месте, повторение пройденного и тем более отступление от достигнутого непростительны и сами мстят за себя. Таким способом не овладеешь вершиной, не приблизишься к цели. Небезынтересно в связи с этим мнение Константина Ивановича Смоленского, директора электротехнического завода, поклонника театра. Мнение, которое разделяют многие рыбинцы.

— Существует прямая связь между художественным ростом театра и повышением требований к нему, — сказал Константин Иванович в беседе со мной. — Театр должен опережать наши зрительские запросы.

Замечание очень верное по своему существу. Применительно к Рыбинскому театру, допустившему компромиссность в подборе пьес и тем самым вызвавшему к жизни проблему «пустующих кресел», — это, что называется, не в бровь, а в глаз...

ДА, КОНЕЧНО, репертуар для театра — первооснова. На правильном определении его должны быть прежде всего сконцентрированы заботы коллектива и в первую очередь главного режиссера, художественного совета, партийной организации. Но ясно также — формирование репертуара нельзя рассматривать обособленно, вне связи с творческим потенциалом труппы, мастерством режиссеров, актеров, художников. Может быть, причины неоправданных издержек у рыбинцев стоит искать здесь? В какой-то степени, да. Ибо никто не декретировал театру постановку «Зонтиков» и «Двух вечеров в мае». Делалось это по доброй воле, по своей инициативе. Нельзя не учитывать и того, что театр выступает ныне в обновленном составе. К художественному руководству пришел новый главный режиссер, выпускник высших режиссерских курсов. Труппа больше чем наполовину пополнилась молодыми актерами, только что окончившими специальные учебные заведения и впервые ступившими на профессиональную сцену. Происходят проба сил, процесс становления, где возможны неудачи и ошибки. Однако тотчас же задаешься вопросом: а почему для пробы избран был именно этот, а не какой-либо другой, более благодатный материал, способный точнее, ярче выявить как режиссерские позиции, так и исполнительские индивидуальности. Признаться, как-то не по себе видеть питомицу Щукинского училища Т. Яблокову, артистку драматического амплуа в серой безликой роли Эльвиры в «Зонтиках». О такой ли первой роли можно мечтать?

Не от занижения ли все это собственных возможностей, некоей робости перед более крупными, ответственными задачами? О драматургии, значительной, идейно и философски наполненной, думать — причем самым серьезные образом — стоит. Это подтверждается и предшествующим опытом, и рядом постановок нынешнего сезона. Но об этом в следующий раз.

Г. БАУНОВ.